

1 МАЯ 1934

ПОЭТИЧЕСКОЕ наследие Аристофана стало достоянием советского читателя: издательство «Академия» выпустило полный перевод сохранившихся пьес великого мастера аттической комедии. Издание это несомненно привлечет всеобщее внимание. Изучение поэтического наследия Аристофана — не изданный роскошь исторического образования: по многим причинам изучение это должно стать живым и актуальным элементом культурного роста советского писателя, критика и читателя.

Будучи неизменно принципиальной, целенаправленной, страстной и пристрастной, комедия Аристофана далека от узости. Близорукость ограниченности круговора, схематизма и рассудочности. Она поражает и героев афинского «демоса» и их незадачливых противников; она разоблачает не только классовую подоплеку рабовладельческой демократии — систему поборов, вымогательства, притеснения, прикрытую и представляемую судебными и политическими учреждениями демократической Афин; она изображает — независимо от намерений автора — растерянность и распыленность сил, историческую обреченность и культурную отсталость того класса, глазами которого она смотрит на современность.

Классической комедии Аристофана делает не только глубина, последовательность и страстная серьезность, с какой Аристофан использовал средства своего искусства для освещения актуальнейших явлений и вопросов современной ему политической жизни. Классической комедии Аристофана делает также величайшее поэтическое мастерство, с каким эти политические идеи и идеалы были воплощены Аристофаном, превращены им в подлинно первоклассные произведения искусства.

Гениальность Аристофана — в мастерстве, с каким он для проведения своих идейных тенденций сумел творчески использовать традиционные и условные, скованные происхождением из древней обрядности, обусловленные сюжетной, композиционной и метрической традицией формы комедии. В руках Аристофана древнее обрядовое шествие и рудименты народного фарса — эти два источника аттической комедии — становятся неистощимой сокровищницей поэтических изобретений, комбинаций, находок и выразительных средств изображения. Серьезнейшие вопросы текущей политики, культуры, художественной критики освещаются при помощи разнообразнейших средств и приемов комедийного искусства: поэтическая сказка, а поучительная «парабаза» хора, лирическая песня и непримиримая клоунада, серьезнейший пафос оправленной и издевательское пародирование, племянность словесной инструментальности и какое-нибудь балаганное или площадное звукоподражание — все средства используются Аристофаном и все организованы им в целях концентрации проведения руководящей мысли или тенденции. Многокрасочность художественной палитры Аристофана создала основу для противоречивых суждений о нем, как о художнике: для тех, чье внимание привлекали высокие качества поэтики Аристофана, творчество его казалось по возвышенности равным творчеству Софокла¹. Напротив, для тех, кого в арсенале комедийных средств поэта поразила прежде всего грубая гамма приемов народного фарса, Аристофан казался, по формулировке Ницше, впрочем, им самим неразделяемой, «изоглавшимся в распутный Алквиадом поэзия»². В то время как у Эсхила и Софокла мастерством намеренно маскируется все формально необходимое — причинная нить художественной мотивации, — Аристофан любит в самых патетических местах, несущих идейную нагрузку комедии, прибегать к открытому обнажению приема, к разрушению спелической иллюзии — нечто вроде дерзкого высывания

Мастер классической комедии

НОВОЕ ИЗДАНИЕ АРИСТОФАНА

языка, понятное у мастера, наперед уверенного в том, что при всех условиях за ним обеспечена художественная победа.

Как комический поэт, Аристофан был в высокой степени наделен силой здорового оптимизма, который прясчет гениям политической сатиры даже в тех случаях, когда они заблуждались, осуждая и отвергая прогрессивные тенденции, господствующие в современности. Если Спиноза прав, утверждая, что осмеяние есть удовольствие, возникающее вследствие того, что мы воображаем, будто в ненавидимой нам вещи есть что-то такое, чем мы пренебрегаем³, то сатира Аристофана — прекрасное подтверждение этой мысли. Несмотря на всю силу аристофановского отрицания, оппозиции и сарказма, поэт на миг не покидает чувство жизнелюбия, неистощимого веселья и остроумия. Это не зубоскальство шутов, пустого пересмешика, равнодушного к предмету осмеяния, увлеченного холодной интеллектуальной игрой одних лишь образов своей фантазии. Это — в основе глубоко серьезная, согретая человеческой страстью, радость поэта, ликующего, по выражению одного из исследователей Аристофана, «при виде несокрушимой энергии человеческой природы».

Помимо общекультурного своего значения комедия Аристофана представляет особый интерес для литературоведа и литературного критика. Свою партийную линию Аристофан проводил не только в критике демократической политики и демократических учреждений. В ряде пьес — в «Ахарянах», в «Женщинах на празднестве» и, особенно, в «Лягушках» — Аристофан нападает на новые формы искусства, вынужденные политическим развитием комедии, и в первую голову — на триумфальное искусство Еврипида — драматическую софистику, новаторство в просве-

тители. По пьесам этим наш читатель может получить яркое представление об уровне эстетического развития современной Аристофану театральной публики: о характерном для нее интересе к вопросам искусства, о пренебрежном знании литературы, об умении разбираться в сложных вопросах мастерства и поэтики. В сцене вымышленного спора между Эс-

Книгам каждый обучался, правду каждый разберет. Все — испытанные судьи, Изощренные в ристаньях, Так не бойтесь, спорьте смело, Состязайтесь. По заслугам Зрители отплатят вам».

Из иллюстраций книги: рис. Д. Митрохина

хилом и Еврипидом («Лягушки») хор убеждает обоих героев поэтического состязания не бояться в смело входить в обсуждение всех профессиональных тонкостей поэзии: «Если страшно вам, бойтесь, что невежественный зритель Не оценит полностью ваших тонких, острых мыслей, Попечения оставьте! Не заботьтесь! Страх смешон. Здесь сидит народ бывалый,

Аристофановская критика принципов трагического искусства Еврипида разворачивается в различных планах. Прежде всего — это принципиальная критика, критика мировоззрения поэта. В трагедии Еврипида Аристофан клеймит в первую голову ее просветительные демократические тенденции, рационалистическую диалектику ее рассуждений, популяризацию философских и моральных идей. Аристофановский Еврипид великолепно понимает, в чем состоит сила его действия и источник его популярности: «Умело их я обучил, — говорит он о самом себе, — пример для жизни показал. В поэзию науку ввел и здравый разум. Рассуждать теперь способны все про все, и в государствении и в домах хозяйничать на новый лад способны всея, и всяк кричит: уж я задам, уж я вас!» («Лягушки», стр. 971—978).

Его противник и критик Эсхил обвиняет Еврипида прежде всего в том, что тот «научил... весь город без толку болтать, без умолку судачить и спорить». «Ты пустынным сделал — говорит он Еврипиду — площадку палестры, в хвастунов говорливых и вздорных превратил молодежь, прекраснейший цвет. Ты гробцов обучил прекословить полководцам и старшим» (там же, стр. 1069—1072). Это — критика консерватора, но критика принципиальная, высокоидейная. Из принципиальных оснований развиваются, постоянно к ним возвращаясь, критика художественных приемов Еврипида, особенностей его поэтики, метафоры, языка, синтаксиса. В «Женщинах на празднестве» эта критика принимает форму снижающего и уничижающего пародирования. Наконец в «Лягушках» поэтика Еврипида подвергается специальному критическому разбору. Современ-

ного читателя поражает широта и диалектическая содержательность этой критики. Аристофан — первоклассный мастер инсценировки и сценической диалектики идей. Изображая в «Лягушках» столкновение двух художественных систем, двух мировоззрений, Аристофан уклоняется от легкой победы, которая далась бы ему, вздумав он ограничиться односторонним нападением на противника. Он искусно развивает точку зрения своего антагониста, глубоко продумывает ее, подхватывает и учитывает ее сильные стороны и преимущества. Более того, для чуждых и ненавидимых ему идей он всегда находит блестящую формулировку, выгодное для них освещение, остроумное сценическое воплощение.

Одна из самых сильных сторон поэтики Аристофана — замечательный по богатству, разнообразию, силе, остроте и выразительности язык. Заговорив о языке, мы вплотную подошли к вопросу о научных и литературных качествах нового перевода. Свою нелегкую задачу Адр. Пиотровский выполнил хорошо. Перевод сделан тщательно, близко к подлиннику и с соблюдением его размеров. При передаче острого и грубого языка аристофановских каламбуров, реплик, крылатых словечек, перебранок и т. д. переводчик широко использовал «никакую» лексику и фразологию современного языка.

Небрежность языка редко встречается в самом переводе Адр. Пиотровского. Гораздо больше примеров такой небрежности во вступительных статьях. Хорошо вводя читателя в вопросы исторического возникновения, создания содержания и построения комедий Аристофана, статьи эти в ряде мест неприятно поражают каким-то размахистым небрежным и банальным способом изложения. Вот примеры «Это случилось в Греции в VI примерно столетии до нашей эры. Это было (что? — В. А.) многозначительной (!—В. А.) исторической эпохой» (т. I, стр. 10); «пафос

падает в балаган» (т. I, стр. 145); на стр. 302, том II: «мировой город» «скользит в ничтожество провинциального анюлустья» и т. д., и т. д.

Что касается собственно языка перевода, то он на высоте задачи. Можно, пожалуй, упрекнуть Адр. Пиотровского в том, что он не всегда доводит до конца передачу особенностей народного языка Аристофана. Народный характер стиля Аристофана обусловлен не только историческими традициями аттической комедии, но, в частности, также особой перемичностью Аристофана, выдающейся склонностью к характерным народным и профессиональным выражениям. По остроумному замечанию одного исследователя, аттическая комедия — эвено, соединяющее «синтаксис Парнаса с синтаксисом площади». В языке комедий Аристофана перекрещиваются, друг друга усложняя и оттеняя, самые различные источники и элементы народной речи: крестьянский язык, отражающий в своих уподоблениях и образах все основные типы и роды сельских работ — полевых, садоводческих, скотоводческих и пчеловодческих; солдатский язык, которому столь многим обязана стилистика древней аттической комедии; язык матросов, язык борцов или боксеров, базарный диалект и т. д. В большинстве случаев Адр. Пиотровский находит адекватные средства для передачи всех этих диалектических особенностей. Но иногда особенности эти не доводятся переводчиком до читателя, и красочность «локальной» характеристики тускнеет. Не всегда передает Адр. Пиотровский и характерные для языка Аристофана, идущие из народной речи сокращения, и т. д. Так, в ст. «Ахаряны», 528—529 («И вот причина распри междуэллинской триумфальные девки») не переданы внутренние рифмы подчеркнутых слов — «трион лийкастрион», для которых русский исследователь языка Аристофана предлагает примерный перевод «из-за трех шкурех». (Д. Шестаков. Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана. Казань, 1913, стр. 249).

Впрочем, отмеченные пробелы не могут умалять значения большой и ценной культурной работы, осуществленной Адр. Пиотровским. Советский читатель оценит эту работу.

Издательство «Академия» достойным образом оформило двухтомник Аристофана.